

**ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ
АНТИЧНОГО И БИБЛЕЙСКОГО В ЛИРИКЕ Р.М. РИЛЬКЕ**

Европейская культура и цивилизация развивалась под влиянием двух равно значимых традиций: античной (эллинской) и библейской (древнееврейской). Влияние эллинской культуры было определяющим в сфере рационального мышления, влияние Библии — в сфере духовно-этической. Союз-спор двух культурных традиций длится уже многие столетия.

Принципы библейской эстетики кардинально отличаются от эллинских. Изначально обе традиции являлись противоположными по своему пониманию человека и его места в мире, по определению принципов воплощения бытия. Г.В. Синило отмечает характерные черты каждой из традиций и их отличия: «Кроме того, следует отметить, что в противовес эллинской культуре зрения — культуре пластичных, скульптурных, архитектурных форм, простирающих свою власть и над поэтическим словом, — культура библейская является культурой голоса и слуха, культурой звучащего слова, бесконечного вслушивания в незримое и едва уловимое веяние Духа Божье-

го, в голос Божий... Это глубоко связано именно с различным восприятием мира и времени: если для греков важнее пространство, целостный космос, освоенная человеком ойкумена (экумена), то для евреев — время, точнее — мир, развертываемый во времени» [1, с. 60].

На стыке античной и библейской культур формируется европейская культурная традиция. С.С. Аверинцев подчеркивает особую замкнутость греко-римского мира и особенно литературы для внешних воздействий: «Знакомство с восточной традицией помогло христианизировавшейся греко-латинской литературе найти точку опоры за пределами замкнувшегося круга собственной классики и тем самым подготовиться к решению новых задач» [2, с. 502]. Но библейское сознание смогло преодолеть эту закрытость и одновременно сформировать новый тип культуры, опирающийся на античную рациональность в постижении бытия и признающую библейские ценности и заповеди императивом нравственности.

Достижения античного и библейского мира во все времена выступали духовной опорой в решающие и переломные моменты развития человеческой культуры, особенно в кризисные эпохи. Особый пример осмысления и взаимодействия библейского и античного духовного и поэтического наследия, библейской и античной эстетики, поэтики и стилистики являет собой творчество Р.М. Рильке.

Райнер Мария Рильке (1875–1927 гг.) — один из крупнейших австрийских поэтов эпохи конца XIX — начала XX в., в творчестве которого переплелись самые разные художественные тенденции: неоромантизм, импрессионизм, символизм. Как поэт рубежа веков, он остро чувствовал трагизм мира, утрату душевной гармонии и потерю опоры в жизни. Рильке обращается в своей поэзии к наследию античной и библейской культуры, заново переосмысливая вечные идеалы и ценности в духе своего времени.

Поэт утверждает в своем творчестве особую роль художника слова, творца новой реальности, объединяющего видимый и невидимый миры в гармоничное целое, делающего тленные предметы вечными в своих произведениях. Г.И. Ратгауз подчеркивает: «Свое честолюбие поэта он видел в другом. Как можно глубже вникнуть в материальный и духовный мир, окружающий человека, вжиться в него, приобщиться к природе во всех ее проявлениях, к народной жизни, к жизни больших городов с их памятниками искусства, к тайнам любви, человеческого существования и смерти — вот в чем он видел основную задачу поэта. Поэт — голос окружающего мира, как писал Рильке» [3, с. 375].

В сборнике «Часослов» поэт черпает свое вдохновение в библейских текстах, обращается к образам ветхозаветных героев, дает собственную интерпретацию сказаний о творении мира и человека, поднимает проблему бедности и смерти. Рильке начинает свой путь к осознанию поэтического дара. Он создает отдельную вселенную: *Da neigt sich die Stunde und rührt mich an // mit klarem, / metallern Schlag: // mir zittern die Sinne. / Ich fühle: / ich kann — // und ich fasse den plastischen Tag* [4, с. 253]. (*И час этот пробил, / ясен и строг, // И металлом коснулся меня. // Я дрожу. / И знаю: / теперь бы*

я смог // Дать пластический образ дня) (Пер. Т.Сильман) [5, с. 84]. В «Часослове» библейская этика играет главенствующую роль. Она является точкой опоры поэта, ищущего путь преодоления внутреннего разлада в душе. На поэтику «Часослова» оказывает большое влияние псалмопевческая традиция. Стихотворения этого периода в чем-то напоминают библейские Псалмы. Поэт постоянно переходит от воспевания бытия к плачу-жалобе об утраченной гармонии, а затем вновь — к ликующему гимну.

Сборник «Книга образов» становится переходным этапом в лирике Рильке. Картины, или образы, создаваемые поэтом, являются наглядной иллюстрацией особого взгляда поэта на мир: обращая внимание на отдельные вещи или явления, Рильке как бы стремится раскрыть их глубинную сущность, одновременно выражая и свое отношение к рассматриваемым явлениям: *Я с напряженностью флага вдаль устремляюсь. // Влага бури дальней мне внятна, / и я с этой бурей сливаюсь. // В то время как все, / что внизу, / мне внемлет не дремля...* (Пер. В.Куприянова) [6, с. 255]. Стихотворения этого периода отличаются особой пластичностью. Здесь уже библейская традиция отступает на второй план, в произведениях появляется античная рациональность, описательность и художественная наглядность, характерная для античной литературной традиции. Черпая вдохновение в окружающем мире, Рильке делает еще один шаг и на пути к постижению высокой миссии поэта-вестника земного бытия. Якоб Штейнер, исследуя эволюцию поэтического таланта Рильке, пишет: «Damit ging die Zweite Epoche in Rilkes Leben und Werk zu Ende. Die nächste sollte ihn zur Höhe künstlerischer Vollendung bringen. Das *Buch der Bilder* zeigt ihn auf dem Wege dazu. Der Titel weist auf das Visuell und, je nach der Bedeutung des Wortes „Bild“, die visuelle Komponente der Sprache hin» [7, S. 163]. («Вторая эпоха в жизни и творчестве Рильке подошла к концу. Следующая должна была привести его на вершину художественного совершенства. «Книга картин» показывает поэта на пути к нему. Заглавие намекает на визуальность и, согласно определению слова «картина [образ]», на зрительные компоненты языка». — *Подстрочный перевод наш. — А. С.*)

В 1905–1906 годах Рильке жил в Париже и был личным секретарем знаменитого Родена. Поэт загорается идеей создать свои стихотворения такими же пластически совершенными, как и скульптуры Родена. Новый идеал Рильке — именно скульптор. Автор стремится воплотить в своих произведениях осязаемую вещественность, прочность, не подверженную переменчивости, быстротечности и преходящести. В этом можно увидеть и обращение к «искусству классической древности». В античной традиции большее значение имели пластические виды искусства. Рильке словно стремится передать особую совершенную пластику каждого изображаемого предмета. Стихотворения поэта приобретают в это время другую форму за счет превращения их в «стихотворения-предметы» (*Ding-Gedichte*), наполненные собственной динамикой и своеобразием. Вся вселенная отражается в форме «стихотворения-предмета». *Ding* — это не только вещественное, но и духовное. Поэт обращается не только к обычным предметам и явлениям, но и к известнейшим ветхозаветным и новозаветным сюжетам, а также черпает вдохновение в антич-

ной культуре. И все многообразие библейского и античного мира также передается в форме «стихотворений-предметов», обращаясь одновременно и к статической форме греческого стиха, и к динамизму библейской поэзии. Г. В. Синило подчеркивает: «Поэт как бы мыслит культурами, отчетливо осознавая, что культура европейская вырастает на скрещении двух равновеликих влияний — античного (эллинского) и библейского (древнееврейского), на скрещении двух различных концепций времени — времени языческого, движущегося по замкнутому кругу и потому наиболее органично воплощающегося в символике мифа об умирающем и воскресающем божете, и времени библейского, впервые обретшего направленность, ставшего историческим временем, летящим от сотворения мира к светопреставлению» [8, с. 167].

Одно из последних лирическо-философских произведений Рильке — цикл «Дуинские элегии» — создавалось на протяжении десяти лет. Этот лирический цикл представляет собой цельное произведение, в котором, согласно замыслу автора, нельзя ничего переставить, поменять местами. Каждая элегия является логическим продолжением предыдущего стихотворения, дополняет его, помогает глубже раскрыть образы-символы. «В общем контексте творчества Рильке «Дуинские элегии» сопоставимы с «Часословом», — пишет А.В. Карельский, — Поэт возвращается к форме, если можно так выразиться, монументального лирического излияния. Элегии тоже выдержаны в едином эмоциональном ключе, они — одно произведение, а не «сборник» [9, с. 273–274]. Рильке творил в сложное время общественно-исторического и духовного кризиса (Первая мировая война, Ноябрьская революция в Германии, поражение Баварской республики). Все это не могло не наложить свой отпечаток на поэта, не обострить его чувства. В его поэзии усиливается трагизм, ощущение одиночества человека в мире. Ноты отчаяния прорываются уже в самых первых элегиях. Поэт больше не сравнивает свое творчество с пророческим призванием, поэзия становится для Рильке трудной миссией, бремя которой поэт должен нести до конца. Поэтика «Элегий» сочетает в себе и библейское, и античное начало: сентенции, созвучные мыслям Книги Экклесиаста, заключены в форму элегии, отсылающей нас к сложной форме античного гимна с его перепадами ритма и особой структурой: *...Aber wir, / die so grosse // Geheimnisse brauchen, / denen aus Trauer so oft // seliger Fortschritt entspringt: / — konnten wir sein ohne sie?* [10, с. 7] *...Но мы поневоле // Ищем тайн, / ибо скорбь с сочетанием с ними // Помогает расти...* (Первая элегия. Пер. В. Мухоморова) [10, с. 8]. Мысли, нарастающие, как волна, и сложная метафорика заставляют вспомнить гимны Пиндара, одновременно напоминая о предшественнике Рильке — Гёльдерлине, чьи гимны стали для поэта в этот период образцом поэтического искусства.

В тот же период поэт создает и знаменитые «Сонеты к Орфею» («Sonette an Orpheus», 2 — 23 февраля 1922 г.). В этом цикле, по праву признанном одним из лучших сборников австрийского поэта, Рильке создает свой собственный миф об Орфее, переосмысливая его образ в рамках кризиса культуры XIX — XX вв. Н. С. Павлова, характеризуя поэтическую речь Райнера Марии Рильке, отмечает: «Сонеты к Орфею» гораздо светлее элегий,

хотя продолжают их трагические темы. В «Сонетах» нет постоянного для Рильке напряжения между «я» и миром. Поющий бог, бог-художник, за спиной которого угадывается автор, не отделен границей от жизни... он в ней присутствует, ее преобразует... «Сонеты» — это попытка оправдания существования творчеством» [11, с. 38]. Генеральными в этом лирическом цикле являются темы певца и песни, тайны происхождения песни и ее воздействия на слушателя, прославления земного бытия, вечной перемены и превращения умирающего Орфея и его воскрешения в другой эпохе в другом художнике слова. Строгая форма сонета и использование античной метрики придают сборнику определенную строгость и размеренность, в то время как библейское начало проглядывает сквозь структуру произведений в их смысловой наполненности. Орфей не только поющий бог-музыкант, но и праобраз некой трансцендентной силы, дарующей поэтическое вдохновение художнику слова: *Ты учишь петь. / Но что нам твой урок, // нам, / вечно страждущим и недовольным? // Петь / — значит просто быть. / Легко и вольно // Лишь ты поешь. / Но ты на то и бог. // А мы? / Как нам запеть? / Когда мы суть? (Пер. А. Карельского, III Сонет)* [6, с. 301]. Античность и Библия в «Сонетах» гармонично сочетаются, вступая в тесное взаимодействие, образуя неразрушимую связь.

В лирике Рильке библейский и античный миры не просто соседствуют, но дополняют друг друга и ведут постоянный диалог, органично вплетаясь в картину мироздания, рисуемую поэтом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синило, Г.В. Специфика эстетики Танаха. Библейская поэтика и библейская поэзия на переломах эпох / Танах и мировая поэзия. — Минск, 2009.
2. Аверинцев, С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы / История всемирной литературы: В 9 т. Т. 1. — М., 1983. — С. 501–515.
3. Ратгауз, Г.И. Райнер Мария Рильке (Жизнь и поэзия) / Рильке Р. М. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть. — М., 1977.
4. Rilke, R.M. Das Stunden-Buch / R. M. Rilke. Sämtliche Werke: in 6 Bd. — Frankfurt am Main, 1987. — Bd.1. — S. 249–341.
5. Рильке, Р.М. Лирика / Пер. с нем. Т. Сильман. — М. — Л., 1965.
6. Рильке, Р.М. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть. — М., 1977.
7. Steiner, J. Reiner Maria Rilke / H. Steinecke. Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts. — Berlin, 1994.
8. Синило, Г.В. Рецепция библейских образов в лирике Рильке и Пастернака / Славянские литературы в контексте мировой: Материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 25 — 30 окт. 1993 г. — Минск, 1994.
9. Карельский, А.В. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. — М., 1990.
10. Rilke, R.M. Duineser Elegien 1912 — 1922. — München — М., 2002.
11. Павлова, Н.С. Поэтическая речь Райнера Марии Рильке / Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2007. — № 66, с. 28–41.